

Анна Шилд
Ада Огнева

ШИШЫ для мажора

Ада Огнева

Шипы для мажора

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Шипы для мажора / А. Огнева — «Автор», «Автор», 2026

Катя защищает свой цветочный павильон секатором, острым языком и упрямством. Артём Грачёв привык получать всё — достаточно правильно назначить цену. После пьяного спора на огромную сумму он приходит к ней ночным помощником. Вместо привычной роскоши — тяжёлые вёдра, колючие розы и флористка, которая не впечатляется его фамилией. Артём уверяет себя, что ему нужна только победа. Катя уверена, что способна раскусить любого наглеца. Но тридцать дней уже отсчитывают чужие часы, а держаться на безопасном расстоянии друг от друга становится всё сложнее.

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	33
Глава 9	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Анна Шилд

Шипы для мажора

Шипы для мажора

Анна Шилд

Ада Огнева

Глава 1

В три часа ночи стеклянный павильон на Цветном бульваре превращался в автономную капсулу, забытую на дне мутного московского аквариума.

За панорамными витринами шуршал мелкий октябрьский дождь. Он размазывал свет уличных фонарей в длинные оранжевые полосы, превращая редкие проезжающие автомобили в бесшумных глубоководных рыб. Внутри же, за двойным контуром утепленного остекления, стоял совершенно другой мир. Воздух здесь был плотным, прохладным, остывшим ровно до шестнадцати градусов и насквозь пропитанным терпким камфорным духом серебристого эвкалипта Гунни, сладковатой сыростью верхового торфа и тяжелым медовым дыханием увядающих пионов сорта Корал Шарм.

Я сидела на высоком винтовом табурете за широким дубовым верстаком и с ювелирной точностью подрезала крошечные побеги очитка.

Работа требовала абсолютной неподвижности пальцев. В правой руке у меня лежал немецкий секатор с короткими лезвиями и черными матовыми рукоятками. Холодные рукоятки удобно ложились в ладонь; лезвия сходились без люфта, оставляя чистый срез. На столе перед моими коленями стояла геометрическая стеклянная сфера с косым срезом — учебный флорариум, на котором я отдыхала от чертежей дипломного проекта. Внутри прозрачного купола я слой за слоем выстраивала сложную горную экосистему. Снизу лежал мелкий колотый базальт для дренажа, затем шла черная полоса активированного березового угля, поверх нее ложилась рыхлая смесь волокнистого торфа с прокаленным речным песком, а на самом верху зеленел бархатный ковер из живого лесного сфагнума, бережно привезенного мною из подмосковного леса.

— Еще три миллиметра влево, крошка, — негромко пробормотала я сама себе, придерживая анатомическим пинцетом тонкий серо-голубой стебель эхеверии. — И только попробуй наклониться к стеклу. Экзаменационная комиссия кафедры архитектурно-строительного института не оценит кривобоких композиций даже под предлогом авангардного авторского видения.

Секатор сухо и чисто щелкнул, отсекая лишний корешок. Тонкий срез брызнул горьким растительным соком. Я стряхнула зеленую пыльцу с потертых джинсов, поправила плотный рабочий фартук из грубого темного хлопка с глубокими накладными карманами и с наслаждением расправила плечи. В пояснице приятно тянуло после трех часов кропотливой возни с миниатюрным рельефом.

В круглосуточном павильоне «Оазис 24» я работала ночным флористом уже второй год. График три через три позволял днем отсыпаться и посещать лекции по геодезии и дендрологии, а ночи давали то редкое благо, которого катастрофически не хватало в переполненных душных аудиториях. Тишину. Чистую, густую тишину, в которой можно было часами слушать мерное шипение ультразвукового увлажнителя, ровный низкий гул компрессора холодильной камеры и собственное спокойное дыхание.

Хозяин заведения, добродушный армянин Альберт Суренович, появлялся здесь только по утрам. Он привозил свежую партию зелени с рижского оптового рынка, шумно пил крепкий сладкий кофе из жестяного термоса и неизменно повторял одну и ту же фразу.

«Катюша, ты у меня здесь главная опора. Ты настоящий художник пространства. Только умоляю, не забывай пробивать щеки на крафтовую упаковку и джутовую бечевку, они нынче стоят как подержанный автомобиль».

Чеки я пробивала исправно, бережно вела кассовую книгу и свято оберегала свой ночной покой. Ночные покупатели на Цветном бульваре обычно делились на три предсказуемые категории. Первые — запоздалые романтики с виноватыми глазами, которые внезапно вспо-

минали про годовщину первого поцелуя и готовы были отдать любые деньги за охапку белых эквадорских роз. Вторые — одинокие городские философы, бродившие по мокрым тротуарам и покупавшие крошечный кактус в глиняном горшке, чтобы хоть как-то оправдать свою бесцельную трехчасовую прогулку по промозглой Москве. Третьих прибывало из окрестных баров и караоке ближе к четырем утра. Эти были шумными, хмельными, пахли перегаром и дешевым табаком, требовали гигантские корзины в блестящей шуршащей фольге и пытались шутить плоские шутки. С ними разговор у меня всегда выходил предельно коротким и сухим.

Но эта ночь до трех часов оставалась удивительно безмятежной. Я успела закончить целый ярус флорариума. Дождь шуршал за двойным стеклом, под струей увлажнителя покачивался лист монстеры; даже колокольчик позволил мне сосредоточиться.

Я снова склонилась над стеклянной сферой, прицеливаясь деревянной палочкой к розетке горного молодила, когда у тротуара прямо напротив широкой стеклянной витрины с глухим сырым шорохом затормозил огромный представительский седан. Длинный угольно-черный кузов Майбаха матово блеснул в свете фонарей. Литые диски подняли веер мелких водяных брызг из придорожной лужи. Мощные фары автомобиля на пару секунд залили торговый зал ослепительным ледяным ксеноном, выхватив из полумрака витринные ярусы с белыми гортензиями и ряды стеклянных вазонов, а затем мягко погасли, оставив гореть лишь тонкие хищные полосы ходовых огней.

Тяжелые двери автомобиля открылись почти одновременно.

Из салона вышли двое мужчин. Они ступили под морозящий дождь неторопливо, с той особой ленивой уверенностью, которая вырабатывается годами абсолютного финансового благополучия. Осенняя слякоть и холодный ветер казались им всего лишь мелким пунктом в договоре на обслуживание городской территории. Тот, что повыше, был одет в безупречно скроенное графитовое пальто из тончайшего кашемира, расстегнутое настежь, несмотря на промозглую сырость. Ослепительно белая шелковая сорочка без галстука с расстегнутым верхним воротом резко контрастировала с темной тканью пальто. Второй спутник, плотный, широкоплечий, в темно-синей куртке из мягкой замши, крутил в толстых пальцах незажженную сигару и что-то оживленно внушал первому, весело жестикулируя.

Латунный колокольчик над входной дверью павильона истерично и жалобно тренькнул, удивившись о металлический косяк.

В чистый, влажный воздух оранжереи вместе с волной сырого уличного холода ворвался резкий, агрессивный коктейль чужой ночной жизни. Запах октябрьского дождя мгновенно растворился в едком аромате выдержанного островного виски, смолистом духе кубинского табака и тяжелом шлейфе дорогого мужского парфюма с нотами удового дерева, кожи и черного перца.

— Гляди-ка, Грачев, огонек горит, цивилизация жива, — громко, с издевательской хрипотцой произнес широкоплечий спутник, переступая порог и широким взмахом руки стряхивая капли дождя прямо на мой свежeweымытый кафельный пол. — Я же говорил, на Цветном в любой подворотне круглосуточно торгуют сушеным сеном. Заходи скорее, спасай остатки своей светской чести, пока обиженная Стелла не раструбила на весь ресторан о твоём демонстративном побеге.

Высокий мужчина в кашемировом пальто шагнул внутрь следом. Он даже не опустил взгляд под ноги, и сразу направился к моему столу, будто его уже ждали.

Его походка выдавала человека, привыкшего без стука распахивать двери в самых высоких кабинетах столичных небоскребов. На вид ему было около тридцати лет. Породистое, резкое лицо с тонкими, будто высеченными из кремня чертами, высокие жесткие скулы, темные коротко стриженные густые волосы, растрепанные ветром, и поразительно холодные, колющие глаза цвета мокрого гранита. Взгляд этих серых глаз скользнул по рядам глиняных горшков, равнодушно мазнул по пышным кустам фикусов Бенджамина и наконец замер на мне.

Я не сдвинулась с деревянного табурета ни на сантиметр. Пинцет оставался зажат в моих пальцах, секатор лежал на ладони короткими лезвиями вниз.

— Доброй ночи, граждане полуночники, — ровным, подчеркнуто нейтральным тоном произнесла я, глядя прямо в переносицу высокому визитеру. — Павильон закрывается на технический перерыв через десять минут. Готовые интерьерные композиции в шляпных коробках стоят на стеллаже справа у входа. Выберите быстрее, касса закрывается.

Высокий мужчина даже бровью не повел. Он подошел к широкому верстаку вплотную, небрежно засунул правую руку в карман дизайнерских брюк, а левой тяжело оперся о полированное дерево столешницы прямо возле моей стеклянной полусферы. От него явственно разило элитным крепким алкоголем, но стоял он прямо, как натянутая стальная струна, и только опасный, лихорадочный блеск в глубине темных зрачков выдавал изрядное количество выпитого за вечер алкоголя.

— Технический перерыв отменяется, красавица, — произнес он низким, вибрирующим баритоном, в котором звенела абсолютная, вековая привычка повелевать. — На световом коробе над твоей головой написано двадцать четыре часа. Значит, ты стоишь здесь, приветливо улыбаешься и обслуживаешь клиентов.

Он вынул правую руку из кармана брюк. Между его длинными, холеными пальцами появилась увесистая пачка пяти тысячных купюр в банковской бумажной ленте. Глухой, хлесткий шлепок о деревянную поверхность верстака заставил мелко задрожать стоявшую на краю стеклянную мензурку с дистиллированной водой.

На столе передо мной лежало ровно сто тысяч рублей. Двадцать новеньких, хрустящих оранжевых банкнот с видами хабаровского утеса.

— Здесь ровно сотня, — небрежно бросил Грачев, даже не удостоив брошенные деньги мимолетным взглядом. — Мне нужен лучший букет, на который только способна эта цветочная палатка. Самый пышный, самый огромный, самый помпезный. Чтобы едва помещался на задний диван автомобиля. Засунь туда редких роз, белых пионов, добавь орхидей, упакуй во

что-нибудь приличное без этой вашей копеечной слюды и пластиковых бантов. У тебя ровно пятнадцать минут на исполнение. Время пошло.

Глава 2

Его спутник в синей замшевой куртке тихо хмыкнул, вальяжно прислонился плечом к стойке с кактусами и скрестил руки на груди, с нескрываемым удовольствием приготовившись наблюдать за спектаклем.

Я медленно, очень аккуратно положила анатомический пинцет на край резинового коврика. Затем перевернула секатор в ладони, со щелчком задвинула предохранительную скобу и внимательно посмотрела на пачку купюр. Оранжевый кирпичик сиротливо примостился между стеклянной банкой с гидрогелем и кучкой базальтового отсева.

— Любопытно, — произнесла я негромко, но настолько отчетливо, что в зале мгновенно повисла напряженная тишина, нарушаемая лишь урчанием холодильника.

— Что именно тебе любопытно? — нахмурился Грачев, явно не привыкший к подобным паузам. По его логике, при виде пачки пяти тысячных любая продавщица на Цветном бульваре должна была расплыться в угодливой улыбке и броситься связывать розы со скоростью заводского конвейера.

— Мне любопытно наблюдать редкое природное явление. — Я выдержала его взгляд и кивнула на деньги. — Когда взрослый половозрелый гражданин в кашемировом пальто искренне путает ботаническую мастерскую с оптовым плодоовощным складом на окраине МКАД. А еще мне очень интересно, в каком именно законе о защите прав потребителей вы вычитали, что пачка цветной бумаги дает вам право тыкать незнакомым людям и отдавать распоряжения командным басом.

Широкоплечий спутник у кактусов издал странный горловой звук, подозрительно похожий на попытку проглотить собственный кулак от накотившего хохота.

Грачев медленно сощурил свои серые глаза. В их холодной глубине на секунду вспыхнуло неподдельное удивление, которое тут же сменилось тяжелой, ядовитой волной уязвленного высокомерия. Он явно привык жить в пространстве, где любая проблема решается правильным

чеком, а любое человеческое сопротивление мгновенно ломается увеличением суммы в два раза.

— Послушай меня внимательно, девочка, — с ледяной, угрожающей расстановкой произнес он, слегка наклоняясь через прилавок вперед. Теперь я физически чувствовала горячую волну его дыхания и горький аромат табачных листьев. — У меня сегодня был исключительно трудный деловой день, перешедший в совершенно отвратительный вечер. Моя женщина ждет внятных извинений, и этот букет должен закрыть конфликт в течение получаса. Поэтому сделай одолжение. Засунь свой копеечный провинциальный характер обратно в карман рабочего фартука, возьми эти деньги и займись своими прямыми трудовыми обязанностями. Всю сдачу оставляю тебе на чай. Сможешь купить себе новые приличные джинсы без этих чудовищных фабричных прорех на коленях.

Я опустила взгляд на его безупречные шелковые манжеты, выглядывавшие из рукавов пальто, отметила тяжелые платиновые запонки лаконичной формы, а затем снова невозмутимо встретила его надменный взор.

— Мои джинсы куплены на мои собственные честно заработанные средства, гражданин ночной заказчик, — произнесла я с вежливой улыбкой музейного зрителя. — А прорехи на них предусмотрены авторским эскизом европейских дизайнеров, хотя человеку с вашим консервативным вкусом это вполне может показаться признаком бедственного положения. Что же касается вашего щедрого предложения...

Я взяла со стола тяжелый немецкий секатор. Вытянула руку вперед и самым кончиком острого вороненого лезвия аккуратно подцепила край бумажной ленты на банковской пачке.

Оранжевый брусок пятитысячных купюр с тихим шорохом заскользил по полированному дубу верстака обратно к посетителю, мягко стукнувшись о пуговицу его кашемирового пальто.

— Заберите вашу бумагу, — сказала я тихо и отдельно. — Павильон «Оазис 24» не обслуживает нетрезвых клиентов. И граждан, страдающих хронической неспособностью произносить элементарное слово «пожалуйста», мы тоже не обслуживаем. Выход находится прямо за вашей широкой спиной. Постарайтесь не задеть колокольчик плечом.

Грачев замер, уставившись на лежащую перед его носом пачку денег так, словно я только что предложила ему выпить стакан сырой болотной жижи.

Его холеное породистое лицо медленно наливалось багровым гневом. Тонкие губы сжались в бледную жесткую нить, а на виске отчетливо обозначилась и забилась синяя жилка. Он явно никогда в своей сытой столичной жизни не сталкивался с ситуацией, когда его швырнутые на стол купюры аккуратно пододвигали обратно кончиком садового инструмента.

— Ты хоть понимаешь, с кем разговариваешь, чучело огородное? — прошипел он так тихо и ядовито, что у меня по спине пробежал мимолетный холодок, но тут же растаял в волне профессионального упрямства. — Ты сейчас закроешь свой дерзкий рот, возьмешь секатор и молча соберешь то, что я приказал. Или завтра утром на месте этой стекляшки будет стоять пустой асфальтированный карман для мусорных контейнеров.

— Грачев, уймись, она тебя сейчас этим железом на салат покрошит, — весело подал голос его спутник у стеллажа, доставая из кармана золотую зажигалку и даже не пытаясь скрыть восторга. — Я же говорил, в рознице работают суровые люди. Тут тебе не совет директоров венчурного фонда, тут деньги надо уважать руками.

— Заткнись, Вадим, — отрезал Грачев, не сводя с меня тяжелого, налитого яростью взгляда. — Раз этот персонал не желает шевелить руками за приличную плату, я возьму все сам.

Он резко развернулся на каблуках и широким шагом двинулся вглубь павильона, туда, где за толстыми раздвижными стеклами находилась главная святыня заведения — большая холодильная камера с отдельным климатическим контуром.

Внутри камеры поддерживалась постоянная температура в четыре градуса тепла. Там, в строгом микроклимате, плотными рядами стояли глубокие пластиковые и цинковые баки с водой. В них дожидались своего часа тяжелые охапки привозных эквадорских роз, нежные французские ранункулюсы, белоснежные шапки голландских гортензий и капризные сортовые каллы. Любое резкое колебание влажности или приток теплого уличного воздуха с гарью Цветного бульвара могли в два счета погубить живой товар на сотни тысяч рублей.

Я соскочила с винтового табурета быстрее, чем соображала голова.

Тело сработало на чистых рефлексх. Три года работы в оранжереях и учебы на кафедре ландшафтного дизайна намертво вбили мне в подкорку простое правило. Растения беззащитны перед тупой человеческой наглостью, и защищать их приходится тому, у кого в руках инструмент.

Я в два прыжка обогнула дубовый верстак, выскочила наперерез шагающему верзиле и встала прямо в створе стеклянного проема холодильной двери, расставив ноги и выставив вперед сомкнутые челюсти тяжелого секатора.

— Стоять на месте, — отчеканила я звонким, как удар колокола, голосом. — Шаг вперед, и я вызову группу быстрого реагирования вневедомственной охраны. Кнопка под кассой, экипаж с автоматами приедет через четыре минуты.

Грачев резко затормозил в полуметре от меня. От резкой остановки полы его расстегнутого кашемирового пальто качнулись вперед, обдав меня волной жара и дорогих духов. Он был выше меня на целую голову, шире в плечах, и в его потемневших от хмеля глазах читалась абсолютная готовность смести любое препятствие.

— Пошла вон с дороги, соплячка, — глухо выдохнул он, буравя меня взглядом. — Я сам возьму то, за что готов заплатить.

— Вход в холодильную камеру посторонним лицам категорически воспрещен санитарными нормами и внутренним регламентом, — ответила я, не опуская лезвий секатора ни на миллиметр. — Здесь поддерживается стерильный температурный режим. Если ваш хмельной перегар и уличная грязь попадут внутрь, лепестки сортовых цветов осыплются к утру. Альберт Суменович за каждый испорченный бутон снимет с меня шкуру, а я свою шкуру ценю несоизмеримо выше вашего уязвленного мужского достоинства. Отойдите от стеклянной двери.

— Да плевать я хотел на твоего Суменовича, — рыкнул Грачев и сделал резкое движение корпусом вперед, пытаясь оттеснить меня плечом.

Он даже не подумал о том, что перед ним стоит вовсе не покорная секретарша из его приемной. На его пути стояла разозленная студентка строительного института, привыкшая ворочать мешки с гравием и таскать тридцатилитровые ведра с отстоянной водой. Я уперлась левым локтем в металлический косяк дверной коробки, заблокировав проход собственным телом.

Тогда Грачев, окончательно потеряв рассудок от выпитого алкоголя и бешеного упрямства, просто протянул свою длинную руку через мое плечо прямо в холодную глубь камеры.

Его жадный взгляд упал на ближайший высокий черный вазон. В нем плотным, тугим снопом стояла свежая, только вчера поступившая с таможни партия отборных эквадорских роз премиального сорта Ред Наоми. Стебли метровой длины, толстые, налитые темно-зеленым соком, с бархатными черно-алыми бутонами размером с крупное яблоко. И с чудовищными, трехсантиметровыми одревесневшими шипами треугольной формы, загнутыми назад, как когти степного беркута.

Флористы всегда работали с этой партией исключительно в плотных крагах из воловьей кожи. Даже Альберт Суменович, старый опытный мастер, никогда не прикасался к этим стеблям голыми руками, предварительно зачищая нижнюю треть специальным шипоснимателем.

Грачев ничего этого не знал. Он знал только то, что ему нужны самые дорогие розы в городе, и нужны прямо сейчас.

Его холеная ладонь без малейших колебаний сжалась вокруг середины трех толстых стеблей, и он с силой рванул их на себя, намереваясь выдернуть букет из вазона одним рывком. Раздался глухой, мерзкий звук рвущейся живой ткани.

Глава 3

Острейший загнутый шип Ред Наоми зацепил кожу сбоку от ногтя его правого указательного пальца и прочертил вдоль пальца рваный порез.

Грачев издал короткий, сдавленный вой, похожий на визг наступившего на стекло породистого пса, и судорожно отдернул руку назад.

Стебли роз с глухим плеском плюхнулись обратно в воду, подняв фонтан ледяных брызг.

Из глубокой раны на пальце Грачева потекла кровь. Тяжелые алые капли сорвались с кончиков пальцев, шлепнулись на мой чистый кафель, а затем Грачев инстинктивно прижал пострадавшую руку к груди.

Огромная, безобразная бурая клякса моментально расплылась по ослепительно белой шёлковой ткани его сорочки от элитного ателье Бриони, прямо возле манжеты с платиновой запонкой.

— Твою же мать! — взвыл он, сгибаясь пополам от пульсирующей дикой боли и глядя на свой хлещущий кровью палец расширенными от ужаса глазами. — Что это за чертово оружие массового поражения?!

В павильоне на секунду повисла гробовая тишина, после которой пространство буквально взорвалось.

Стоявший у стеллажа Вадим сначала медленно сполз по деревянной стойке вниз, уронил сигару на поддон с речным песком, а затем схватился обеими руками за живот и зашелся в таком безудержном, лающем хохоте, что с верхней полки посыпались сухие сосновые шишки.

— Грачев! — давясь слезами и кашляя от смеха, орал он на весь павильон. — Управляющий партнер венчурного фонда получил боевое ранение на колхозном фронте! Тебя победила роза, Артём! Цветочек победил акулу инвестиционного рынка! Я умираю, вызовите мне скорую, я сейчас лопну от счастья!

Грачев свирепо зыркнул на ржущего друга, зажал порезанный палец поллой кашемирового пальто, окончательно пачкая дорогую ткань кровью, и поднял на меня взгляд, полный неприкрытой ненависти.

— Ты... ты подсунула мне эти колючки нарочно! — прохрипел он, дрожа от боли и унижения. — Ты видела, куда я тянусь!

— Разумеется, видела, — ледяным тоном ответила я, пряча секатор в глубокий карман рабочего фартука. — И русским языком предупредила вас о регламенте. Но крупные финансисты, судя по всему, считают себя бессмертными повелителями флоры и фауны. Роза Ред Наоми выращена в предгорьях Анд, гражданин Грачев. Она плевать хотела на ваши финансовые активы и защищает свои бутоны так, как ее научила дикая природа.

Я неторопливо прошла мимо корчащегося банкира к мусорному контейнеру для брака, стоявшему возле раковины.

Там, среди обрезков упаковочной бумаги и сухих веток эвкалипта, сиротливо лежала утренняя списанная гвоздика. Одинокая, жалкая, грязно-розового оттенка, со сломанным пополам стеблем и наполовину осыпавшимися бурыми лепестками. Альберт Суренович собирався выбросить ее еще вчера, но забыл на краю ведра.

Я взяла эту полудохлую былинку двумя пальцами за сухой кончик.

Затем вернулась к дубовому верстаку, подошла к брошенной пачке денег и с подчеркнутой аккуратностью положила убогую гвоздику прямо поверх новеньких оранжевых купюр с изображением Хабаровского моста.

— Ваш заказ сформирован в полном соответствии с протоколом обслуживания, — громко, четко и безжалостно объявила я. — Этот букет идеально гармонирует с вашим уровнем внутренней культуры и навыками коммуникации. Забирайте товар, сдачи нашему заведению от вас не требуется. Дверь открыта, приятной дороги к вашей обиженной даме.

Вадим у стеллажа всхлипнул, уткнулся лицом в колени и заколотил ладонью по полу, совершенно не в силах остановиться от хохота.

Грачев побелел как мел. Боль в руке отступила перед чудовищным, сокрушительным ударом по его раздутому мужскому эго. Его глаза потемнели, превратившись в два куска полированного антрацита.

— Да я тебя... я эту лавку сотру в порошок! — взревел он, шагнув ко мне и брызжа слюной. — Ты хоть знаешь, сколько стоят эти туфли?! Ручная работа, итальянская телячья кожа тончайшей выделки! Три тысячи евро за пару! Моя сорочка стоит больше, чем вся твоя нищенская оранжерея вместе с твоей будущей копеечной зарплатой!

— Мне глубоко безразлична стоимость вашей обуви, гражданин хороший, — перебила я, отступая к раковине. — А вот чистота моего рабочего пола волнует меня чрезвычайно. Вы накапали кровью на плитку, развели уличную грязь и испортили воздух в помещении. Мои санитарные убытки несоизмеримо выше ваших тряпичных потерь.

Я не стала продолжать бесполезную дискуссию.

Возле раковины стояло массивное оцинкованное ведро, до краев наполненное холодной водой с щедрой порцией едкой хлорной жидкости «Белизна». В ведре плавала тяжелая деревянная швабра с длинной лохматой насадкой из толстых серых веревок.

Я обхватила березовую рукоять обеими руками. Знакомое дерево легло в ладони, и Грачев оборвал ругань на полуслове.

Выдернула швабру из ведра, не отжимая.

Тяжелый, мокрый, серый веревочный ком с громким, смачным шлепком обрушился на кафельный пол ровно в двух сантиметрах от носков эксклюзивных туфель господина Грачева.

Мутная мыльная жижа с удушливым запахом концентрированного хлора мгновенно взметнулась фонтаном во все стороны. Серая едкая пена щедро оросила зеркально начищен-

ную телячью кожу трехтысячевевровых итальянских ботинок, затекла под шнурки и оставила грязные потеки на идеальных графитовых стрелках брюк.

— Эй! Ты что творишь, безумная?! — в панике взвизгнул Грачев, инстинктивно отпрыгивая назад.

Но я не дала ему опомниться.

С непроницаемым лицом профессионального мойщика палуб я с силой толкнула тяжелую швабру вперед, размазывая по полу пенные круги и целенаправленно наступая на ноги отступающего миллионера. Веревки с противным чавканьем прошлись прямо по его носкам, оставляя на элитной коже несмываемые белесые разводы едкой химии.

— Уборка помещения! Санитарный час! — монотонно провозглашала я, методично наступая на него шаг за шагом. — Очистка территории от опасных биологических жидкостей и токсичных элементов! Поберегите обувь, граждане, хлорка разъедает органику за три секунды!

Грачев, чертыхаясь, спотыкаясь о собственные ноги и прижимая окровавленный палец к груди, в панике пятился к выходу.

Его приятель Вадим в этот момент уже стоял на ногах. В его вытянутой правой руке горел экран смартфона последнего поколения. Он снимал все происходящее на широкоугольную камеру высокой четкости, буквально задыхаясь от поросячьего визга и восторга.

— Снимай, снимай это, Вадим, я уничтожу ее! — рычал Грачев, отмахиваясь от летящих мыльных брызг.

— Снимаю, братан, каждую секунду пишу в облако! — всхлипывал Вадим, пятясь задом к распахнутой двери. — Это шедевр мирового кинематографа! Лучший инвестор года спасается бегством от швабры на Цветном бульваре! Стелла умрет от восторга прямо за праздничным столом!

Еще один мощный, размашистый выпад шваброй вперед.

Мокрый веревочный хвост с хлюпаньем влетел прямо между ботинок Грачева. Мужчина судорожно сделал последний шаг назад, оступился на мокром пороге и кубарем вывалился под моросящий октябрьский дождь, едва не сбив с ног своего снимающего друга.

Я мгновенно бросила швабру, перехватила тяжелую ручку стеклянной двери и с силой захлопнула ее перед их носами.

Сухой металлический щелчок взрезного замка прозвучал слаще любой симфонической музыки. Я повернула латунную вертушку засова на два полных оборота, затем решительно перевернула подвесную табличку на стекле стороной «Закрыто на технический перерыв» и опустила плотные бамбуковые жалюзи.

С улицы, сквозь двойное остекление, еще несколько секунд глухо доносились отборные ругательства господина Грачева, хлопанье дверей Майбаха и залиvistый, непрекращающийся гомерический хохот его товарища.

Затем мощный мотор зарычал, колеса взвизгнули по мокрому асфальту, и тяжелый автомобиль сорвался с места, унося оскорбленное величие столичного сноба в темноту ночного бульвара.

В павильоне снова воцарилась тишина.

Пахло хлоркой, мокрой землей и раздавленной мужской гордостью. Я посмотрела на свой рабочий верстак. Там, рядом с моим учебным флорариумом, все так же сиротливо лежала пачка пяти тысячных купюр, а на ней победоносно темнела сломанная сухая гвоздика.

Глава 4

* * *

Интерлюдия. Артём

Приватная вип-ложа закрытого элитного клуба «Вайсес» на Трёхгорке была наглухо отрезана от внешнего мира тяжелыми звуконепроницаемыми дверями из мореного дуба.

Сквозь массивные стеклянные перегородки в полумрак помещения пробивался лишь глухой, едва ощутимый телом низкочастотный рокот басовых колонок из главного танцевального зала. Воздух здесь пах дорогим сандалом, остывшим кофе и сухим холодом центрального кондиционирования. В центре просторной комнаты тускло и холодно мерцала барная стойка, выточенная из цельного куска полированного черного оникса.

Артём Грачев сидел на низком диване из матовой черной кожи, упершись локтями в колени.

Его безупречное кашемировое пальто бесформенной графитовой грудой валялось в углу на дорогом шерстяном ковре. Зубами он с яростным треском сорвал фольгированный уголок упаковки с медицинской спиртовой салфеткой, выплюнул обрывок на пол и с силой прижал влажный белый квадратик к разорванной плоти своего правого указательного пальца.

Концентрированный медицинский спирт со свистом и шипением вонзился в открытую рану.

Боль была такой острой, словно палец сунули в кипящую смолу. Артём до белизны сжал челюсти. Желваки на его острых скулах бешено заходили под кожей, а в висках застучали тяжелые молоты. На белоснежной шёлковой ткани сорочки от Бриони, прямо возле манжеты с платиновой запонкой, уродливо темнело засохшее бурое пятно размером с металлическую крышку от бутылки.

Но куда сильнее физической боли его выворачивало наизнанку от взгляда на собственную обувь.

Носки его дизайнерских туфель из тончайшей телячьей кожи ручной работы были покрыты омерзительной, растрескавшейся серой коркой. Дешевая едкая хлорка из ведра ночной цветочницы намертво въелась в элитный глянec, оставив мутные белесые разводы, которые теперь не взяла бы ни одна реставрационная мастерская в Столешниковом переулке.

Он протянул здоровую левую руку к стойке, сгреб тяжелый хрустальный стакан с неразбавленным шестнадцатилетним торфяным виски и одним жадным глотком влил в себя обжигающую жидкость. Алкоголь упал на дно желудка горячим камнем, но хмель даже не коснулся сознания. В крови бурлил чистый, концентрированный адреналин пополам с дикой, удушающей яростью.

На телефоне светилось сообщение Стеллы: «Мы закончили. Больше не звони». Артём ответил: «Хорошо», — и перевернул аппарат экраном вниз. Букет уже никому не требовался.

Двойные двери ложи бесшумно разъехались в стороны.

В комнату вошел Вадим Бестужев. Он уже успел скинуть испачканный в оранжевое замшевый пиджак, оставшись в расстегнутом жилете из тонкой итальянской шерсти. В его пальцах дымилась тонкая пахучая сигара, а на круглом, холеном лице сияло выражение такого абсолютного, садистского блаженства, словно ему только что подарили контрольный пакет акций крупного газового холдинга.

Вадим неторопливо подошел к мультимедийной стойке, достал из кармана свой флагманский смартфон и быстрым движением пальца вывел изображение на огромную настенную панель высокой четкости.

Экран вспыхнул ослепительным ярким светом.

Через секунду на всю стену ложи, в формате сверхвысокого разрешения, развернулась замедленная съемка событий получасовой давности на Цветном бульваре.

На первых кадрах Грачев уже пятится от прилавка, прижимая раненую руку к груди. Следом чудовищная, мохнатая, истекающая мутной серой жижей веревочная швабра с размаху плюхается прямо на его начищенные итальянские ботинки, вздымая мыльные брызги до самых коленей.

Вадим рухнул в глубокое кресло напротив, запрокинул голову и зашелся в таком хриплом, надрывном хохоте, что пепел с его сигары посыпался на светлый шелк галстука.

— Грачев! — простонал он, вытирая пальцами выступившие на глазах слезы. — Я рассматриваю этот шедевр уже в восьмой раз по дороге сюда и клянусь, готов отдать миллион за каждый следующий повтор! Управляющий партнер венчурного фонда «Аура Венчурс», человек года по версии деловых журналов, гроза стартапов и безжалостный финансовый хищник с позором капитулировал перед двадцатитрехлетней девчонкой со шваброй наперевес! Ты видел ее лицо? Она же смотрела на тебя, как на навозного жука, залетевшего в приличное общество!

Артём со стуком опустил тяжелый стакан на черную поверхность оникса. Стекло жалобно звякнуло.

— Заткнись, Вадим, — произнес Грачев мертвым, вибрирующим от сдерживаемой ярости голосом. — Немедленно удали это видео из памяти телефона и из облачного хранилища.

— Удалить? — Вадим выпустил под потолок лохматую струю сизого сигарного дыма и весело осклабился. — Да ни за какие сокровища мира! Я сохраню этот файл на трех внешних жестких дисках и положу в банковскую ячейку. А завтра вечером на закрытом ужине инвесторов покажу его Герману. Пусть председатель совета директоров посмотрит, как его ведущий топ-менеджер закрывает сделки на потребительском рынке цветов и удобрений.

Грачев резко поднялся на ноги.

Остатки выпитого за ночь алкоголя окончательно испарились из его головы. На смену им пришел ледяной, расчетливый и беспощадный аналитический расчет. Вся его карьера, весь его статус и непререкаемый авторитет в закрытом финансовом клубе столицы держались на образе безупречного стратега, способного просчитать любую комбинацию на десять ходов вперед и

подчинить себе любые обстоятельства. Публичное осмеяние было для него страшнее банкротства.

— Это видео не увидит никто, — отчеканил Грачев, подходя к приятелю вплотную и нависая над его креслом. — Эта ненормальная истеричка просто застала меня врасплох. Ей повезло. Но если ты думаешь, будто в этой убогой цветочнице есть хоть капля уникальности, ты круглый идиот.

— О да, конечно, — с издевкой протянул Вадим, шурясь сквозь дым. — Все вокруг идиоты, один Артём Грачев на белом коне. Только у этого коня все копыта в хлорке, а из пальца кровь хлещет как из водопроводного крана.

— Любая женщина в этом городе имеет свой четкий алгоритм и свою цену, — жестко, с нажимом произнес Артём, чеканя каждое слово. — Абсолютно любая. Вопрос заключается исключительно в грамотно выстроенной стратегии, правильном тайминге и определении болевых точек объекта. Если я поставлю перед собой задачу сломать ее спесь, она будет смотреть мне в рот через месяц.

Вадим покачал головой и стряхнул пепел в массивную хрустальную пепельницу.

— Ты путаешь светских пустышек из караоке с реальными людьми, Артём. Стеллу ты можешь купить очередным браслетом с бриллиантовой дорожкой или билетами на частный борт до Эмиратов. Но эта девчонка с секатором тебя презирает. Она видит в тебе пустое место с тугим кошельком. Ты к ней на пушечный выстрел не подойдешь, она тебя той же самой шваброй перепояшет при попытке открыть рот.

— Хочешь проверить? — тихо спросил Грачев, и в его глазах вспыхнул опасный, недобрый огонь настоящего хищника.

Вадим замер с сигарой у самого рта. Медленно вынул ее, стряхнул пепел и подался вперед.

— Ты серьезно предлагаешь мне пари?

— Вполне серьезно, — отозвался Грачев, не отводя взгляда. — Дай мне ровно тридцать календарных дней. Через месяц эта дерзкая хамка из подворотни добровольно придет со мной за руку на твою закрытую вечеринку в этом самом клубе, во всеуслышание скажет, что любит меня, и эту ночь мы проведем вместе в моих апартаментах на Пресне.

Вадим медленно усмехнулся. В его темных глазах зажегся неподдельный охотничий азарт игрока, почуявшего запах крупной добычи.

— Тридцать дней, говоришь? Красивые слова, Грачев. Но пустые обещания на рынке ничего не стоят. Давай подкрепим твою самоуверенность настоящим финансовым обеспечением.

Он вытянул руку с тлеющей сигарой вперед и указал дымящимся кончиком на левое запястье Артёма.

Там, выглядывая из-под левой манжеты сорочки, мерно и безупречно отсчитывал секунды сложнейший механический хронограф. Коллекционные швейцарские наручные часы марки Патек Филипп, модель Гранд Компликейшнс, выполненная в корпусе из белого золота высшей пробы, с вечным календарем, указателем фаз луны и минутным репетиром. Артём охотился за этим редчайшим экземпляром на закрытых женевских торгах почти два года. Их реальная аукционная стоимость составляла сто пятьдесят тысяч долларов, и они являлись главным материальным символом его делового триумфа.

— Твои коллекционные часы, Артём, — раздельно произнес Вадим, и в его голосе зазвучала сталь. — Против моего публичного признания тебя непревзойденным мастером человеческих душ. Срок ровно тридцать дней. Условия жесткие и не подлежат двойному толкованию. Через месяц, в полночь тридцатого дня, Екатерина Мельникова должна стоять здесь, в этой ложе, добровольно признаться тебе в любви при всех моих гостях и уехать с тобой в постель.

Если ты проигрываешь, этот хронограф переходит в мою личную собственность прямо на глазах у всего нашего делового круга. А ты публично признаешь себя пустозвоном. По рукам?

Грачев замер.

На мгновение внутри него проснулся холодный голос профессионального риск-менеджера. Ставка была безумной. Потерять Патек Филипп означало не просто расстаться с огромной суммой в твердой валюте, это означало получить несмываемое клеймо неудачника среди самых влиятельных людей города. А девчонка из оранжереи действительно ненавидела его всеми фибрами своей упрямой души.

Но отступить сейчас перед торжествующим лицом Вадима означало признать собственное поражение прямо здесь и сейчас.

Артём медленно расстегнул застежку браслета из белого золота, снял тяжелый массивный корпус часов и положил его на полированный черный оникс стола прямо между ними. Сапфировое стекло отразило янтарный свет лампы.

Затем он вытащил свой телефон, включил штатное приложение диктофона и положил аппарат рядом с часами.

— Запись пошла, — произнес Грачев абсолютно трезвым, жестким металлическим голосом. — Сегодня пятница, четыре утра. Срок пари ровно тридцать календарных дней. Предмет ставки наручные часы Патек Филипп Гранд Компликейшнс. Условие победы Екатерина Мельникова добровольно и публично признается мне в любви на закрытом вечере в клубе «Вайсес» к исходу тридцатых суток. В случае невыполнения условий предмет спора переходит в собственность Вадима Бестужева. Ты подтверждаешь условия, Вадим?

Бестужев наклонился к микрофону телефона и широко, хищно оскалился.

— Подтверждаю в полном объеме. Готовь пустое запястье, венчурный гений.

Глава 5

Мужчины обменялись коротким, сухим и жестким рукопожатием.

Артём остановил запись и переслал файл Вадиму. Тот сохранил звуковую дорожку в защищенную папку и откинулся на спинку кожаного кресла.

— Отлично, сделка оформлена. А теперь открой тайну великой стратегии, Грачев. Как именно ты собираешься к ней подобраться? Она тебя на порог не пустит. Попытка купить ее с порога уже с треском провалилась. Получилось не слишком убедительно.

Артём медленно надел часы обратно на левую руку, защелкнул золотой замок на запястье и холодно, торжествующе усмехнулся.

— Лобовая атака деньгами была ошибкой первичного анализа, — ответил он. При попытке согнуть палец порез снова заныл; Артём прижал к нему свежую салфетку. — Объект обладает выраженным психологическим комплексом независимости и гордыни. Значит, заходить нужно с фланга. Я не стану покупать ее внимание. Я войду в ее привычную среду обитания и сделаю так, чтобы она сама не смогла обойтись без моего присутствия.

— Это как же? — с искренним любопытством приподнял бровь Вадим.

— Исправительные работы, — усмехнулся Артём, поправляя манжету. — Утром я вернусь на Цветной бульвар. И предложу свои услуги в качестве бесплатного ночного разнорабочего. Сказка про проспороенное пари и пьяный дебош прекрасно уложится в ее картину мира. А дальше дело техники. Через месяц эти часы останутся у меня, а дерзкая цветочница будет смотреть на меня совсем другими глазами.

* * *

Катя

К семи часам утра ночной сумрак над Цветным бульваром начал медленно растворяться в бледном, сыром тумане московского рассвета.

Дождь наконец прекратился. Асфальт за панорамным остеклением павильона блестел темным лаком, отражая голые черные ветви старых лип и желтые огни первых уличных фонарей. По широкой проезжей части с глухим водяным шелестом прошуршали оранжевые коммунальные поливальные машины с круглыми щетками. Где-то в стороне Трубной площади звонко звякнул первый утренний трамвай.

Я закончила уборку зала.

Кафельный пол сиял идеальной чистотой. Следы ночного побоища, капли крови и белые разводы едкой мыльной пены были начисто смыты тремя ведрами горячей воды. Воздух в павильоне постепенно очистился от запаха хлорки, и теперь здесь снова пахло влажной оранжевой, прохладной свежестью срезанных стеблей и тонким ароматом утренней выпечки, доносившимся из соседней французской булочной через приоткрытую форточку.

Моя стеклянная сфера стояла в самом центре дубового верстака в полной готовности. Горный мох расправил свои крошечные бархатные подушечки, серые розетки очитка замерли в строгом геометрическом порядке, а под дренажным слоем из базальта не просочилось ни единой лишней капли влаги. Я аккуратно протерла внешние грани стекла мягкой фланелевой салфеткой, пересчитала выручку в кассовом ящике, заполнила журнал передачи смены и устало потеряла виски.

До прихода дневной сменщицы Полины оставался час. Я уже предвкушала, как заварю чай с чабрецом и просто посижу в тишине.

Но латунный колокольчик над входной дверью неожиданно издал чистый, короткий и аккуратный звон.

Я вздрогнула и повернула голову, решив, что это ранний покупатель за хризантемами. Рука в кармане фартука машинально нащупала рукоятку секатора.

Дверь приоткрылась, пропуская внутрь бодрящий утренний холод.

На пороге павильона стоял Артём Грачев.

Я замерла, едва не выронив квитанции. Если бы не резкие черты лица и колючий взгляд серых глаз, я ни за что не узнала бы ночного дебошира в кашемировом пальто.

Светский лоск испарился. На нем были простые темно-синие джинсы, тяжелые ботинки на рифленой подошве и черная куртка поверх свитера. Никаких платиновых запонок и расстегнутого шелка. Волосы аккуратно зачесаны назад, лицо выглядело свежим и трезвым, будто он провел ночь в санатории, а не хлестал скотч в полумраке клуба.

И только на указательном пальце его правой руки, прямо поверх ночного пореза, аккуратно белел свежий пластырь телесного цвета.

Грачев аккуратно прикрыл за собой дверь, не дав колокольчику удариться о косяк во второй раз, и остановился на коврике у входа.

Я медленно поднялась с высокого табурета. Пальцы в кармане фартука крепко сжали рукоятку секатора.

— Вы адресом не ошиблись, гражданин миллионер? — ледяным тоном поинтересовалась я, скрестив руки на груди. — Или вы забыли забрать свою засохшую гвоздику? Она все еще лежит на верстаке, дожидается своего счастливого обладателя вместе с вашей пачкой пяти-тысячных. Забирайте обе реликвии и уходите, пока я не вспомнила, где стоит ведро с хлоркой.

Грачев даже не поморщился от моей неприкрытой шпильки. Он сделал два спокойных, размеренных шага вперед, приблизившись к верстаку, но остановился на уважительном расстоянии в полтора метра, не нарушая границ моего личного пространства.

В развороте плеч и наклоне подбородка по-прежнему сквозила надменность хозяина жизни, но теперь спрятанная под маской вежливой сдержанности.

— Здравствуй, Екатерина, — произнес он своим низким, глубоким баритоном. Голос звучал совершенно иначе, чем ночью. Чисто, ровно, без малейшего следа алкогольной хри-

поты. — Твое имя написано на бейдже возле кассового аппарата, если тебе интересно, откуда я его знаю. Я пришел не скандалить и не забирать деньги.

— Какая жалость, — язвительно приподняла бровь я. — А я уже приготовила новую порцию мыльной жижи для ваших новых ботинок. Гляжу, эти попроще вчерашних. Тракторная подошва, телячьей кожей даже не пахнет. Решили снизить планку расходов на случай повторной дезинфекции?

Грачев опустил взгляд на свои ботинки, и в уголках его тонких губ на долю секунды мелькнула едва уловимая усмешка.

— Эти ботинки как раз предназначены для физического труда, — невозмутимо ответил он, снова поднимая на меня свои серые глаза. — Я пришел извиниться за ночное безобразие. Я действительно ночью перебрал лишнего в клубе, повел себя неподобающим образом и позволил себе недопустимые высказывания в твой адрес. Признаю, был неправ.

Я смерила его подозрительным, долгим взглядом от макушки до носков ботинок.

В раскаяние ложенного сноба из Майбаха верилось примерно так же легко, как в цветение сирени в январские морозы. За его ровным голосом и безупречными манерами явственно ощущался скрытый расчет, пружина которого была взведена до предела.

— Извинения приняты в устной форме, гражданин Грачев, — сухо отчеканила я. — А теперь разворачивайтесь на сто восемьдесят градусов и шагайте на свежий воздух. Инцидент исчерпан, мы в расчете.

— Мы не в расчете, — возразил он. Я указала на деньги, но он оставил их лежать. — Дело в том, что после нашего отъезда отсюда события получили довольно неожиданное продолжение. Мой приятель Вадим, которого ты так искренне порадовала ночным душем из швабры, счел мой ночной позор величайшим событием года. Мы поспорили. Очень глупо и очень по-мужски.

Я невольно прищурилась, внимательно слушая каждое его слово.

— И на что же спорят пьяные финансисты в четыре утра? — с холодным сарказмом спросила я. — На золотые прииски или на покупку островов в Тихом океане?

— На общественно полезные работы, — с абсолютной, железобетонной серьезностью в голосе выдал Грачев, глядя мне прямо в зрачки. — По условиям нашего пари, проигравшая сторона обязана провести ровно тридцать календарных дней на тяжелых физических работах в сфере городского благоустройства и мелкой розничной торговли. Без привлечения наемных рабочих, без финансовых откупов и исключительно в ночное время, чтобы не мешать основному бизнесу.

Я моргнула один раз. Затем второй.

Смысл произнесенных им слов доходил до моего сознания медленно, с легким металлическим скрежетом.

— Повторите еще раз, — медленно произнесла я. — Только медленно и внятно.

— Я проспорил тридцать дней исправительных работ, Екатерина, — повторил он и повернул ко мне ладони, словно предъявлял главный довод. — И в качестве исправительного учреждения я выбрал этот цветочный павильон. Я готов заступить на должность ночного подсобного рабочего. Разгружать поставки, таскать ящики, мыть баки, менять воду в вазонах и выполнять любые твои прямые распоряжения. Ровно тридцать ночных смен. Совершенно бесплатно. Моя трудовая повинность не будет стоить вашему заведению ни единой копейки.

Я смотрела на него около десяти секунд в абсолютном молчании.

В его холеных руках и аристократической осанке было столько же общего с подсобником, сколько у орхидеи с пыреем. Он явно не поднимал ничего тяжелее авторучки и бокала. Мысль о том, что он добровольно пришел таскать мешки с торфом, казалась полным бредом.

— Грачев, вы держите меня за круглую дуру? — спросила я, и мой голос упал на октаву ниже. — Какое пари? Какая трудотерапия? Вы думаете, я поверю в эту дешевую сказку про

дворянина на перевоспитании? Вы пришли сюда продолжать свой дурацкий цирк, чтобы потешить свое уязвленное самолюбие. Так вот, слушайте сюда. Здесь вам не благотворительный пансион и не съемочная площадка для роликов в интернете. Проваливайте отсюда вместе со своим приятелем, своими спорами и своей бесплатной помощью. Нам подсобники не нужны.

Глава 6

Я уже протянула руку к прилавку, намереваясь нажать кнопку внутренней связи, как за моей спиной скрипнула тяжелая металлическая дверь черного хода.

В торговый зал ворвался густой, умопомрачительный аромат свежего сдобного теста, жареного кунжута и топленого сыра.

Следом за запахом в павильон шумно ввалился сам хозяин заведения — Альберт Суренович.

В руках он бережно держал огромный, лоснящийся от жира бумажный пакет с горячей выпечкой из соседней пекарни. Его круглое, добродушное лицо с пышными кавказскими усами сияло неподдельным утренним счастьем.

— Катюша, птичка моя, доброе утро! — громогласно возвестил он на весь зал, сгружая пакет прямо на край стола. — Смотри, какие бублики с кунжутом я урвал прямо из печи! Еще пар идет! А сыр сулугуни внутри такой, что плакать хочется от восторга! Наливай скорее чай, будем завтракать...

Альберт Суренович осекся на полуслове, внезапно заметив стоявшего у входа незнакомца.

Его острый взгляд опытного торговца моментально зафиксировал широкие плечи гостя, его крепкую фигуру, а затем скользнул к прилавку, где все еще лежал новенький оранжевый брусок денег с засохшей гвоздикой.

— О, у нас клиенты с самого утра? — приветливо улыбнулся хозяин, вытирая ладони о бока своих широких вельветовых брюк. — Молодой человек, добро пожаловать в «Оазис 24»! Что желаете для прекрасной дамы? Для любимой женщины у нас есть такие пионы, пальчики оближешь!

— Здравствуйте, — вежливо наклонил голову Грачев, делая шаг навстречу хозяину. — Я здесь не как покупатель. Мы с вашей сотрудницей как раз обсуждали вопрос открытой вакансии.

Альберт Суменович удивленно моргнул и перевел взгляд на меня.

— Какой вакансии, Катюша? У нас разве кто-то уволился?

— Альберт Суменович, не слушайте его! — быстро заговорила я, чувствуя, как внутри начинает закипать глухая паника. — Это тот ночной хулиган. Он несет какую-то чушь про проигранный спор и хочет навязаться к нам бесплатным подсобником. Выгоните его немедленно, он просто издевается!

При слове «бесплатным» брови Альберта Суменовича взметнулись вверх с такой скоростью, словно их подбросило мощной пружиной.

— погоди, Катюша, не стреляй из пушки по воробьям, — медленно произнес хозяин, поворачиваясь к Грачеву всем корпусом и впиваясь в него цепким взглядом. — Молодой человек, повторите внятно для пожилого человека со слабым слухом. Какое такое волшебное слово вы только что произнесли?

Грачев с легким поклоном протянул ему руку для рукопожатия.

— Меня зовут Артём. В силу определенных личных обстоятельств и проигранного пари мне необходимо в течение тридцати дней отработать ночную трудовую повинность на тяжелых физических работах. Я предлагаю свои услуги в качестве ночного подсобного рабочего. Разгрузка ночных машин с товаром, поднос воды, переноска грунта, уборка торговой площади. Никакой оплаты мне не требуется. Абсолютно безвозмездно. Ровно тридцать ночных смен.

Альберт Суменович пожал протянутую ладонь, машинально оценив крепость пальцев и ширину запястья парня.

В глазах старого торговца загорелся такой ослепительный, благоговейный огонь коммерческого экстаза, словно прямо посреди павильона Цветного бульвара только что забил фонтан чистой нефти.

У Альберта Суменовича последние три недели невыносимо ныла поясница. Старый радикулит скручивал его пополам каждый раз, когда приходилось поднимать ящик с землей. Предыдущий подсобник Серега запил в середине месяца и бесследно растворился на просторах Подмоскovie, оставив всю тяжелую физическую работу на моих плечах и плечах самого хозяина. Мыть высокие баки, таскать полные ведра и принимать ночные фуры из Голландии было некому.

А тут прямо с неба, в семь часов утра, свалился рослый, мускулистый, абсолютно трезвый молодой человек, готовый вкалывать даром целый месяц.

— Вай, дорогой! — всплеснул руками Альберт Суменович, расплываясь в счастливейшей улыбке от уха до уха. — Да ты не просто Артём, ты настоящий ангел-хранитель нашего скромного ботанического сада! Ты послан нам самим провидением! Катюша, ты слышишь, что говорит этот золотой парень?! Он хочет носить тяжести! Он хочет спасти мою больную спину и твои нежные ручки!

— Альберт Суменович, он миллионер и сумасшедший провокатор! — в отчаянии воскликнула я, шагнув вперед. — Он ночью сорил сотнями тысяч рублей и орал, что сотрет наш магазин с лица земли! Он вас обманет, он разгромит оранжерею в первую же смену!

— Катенька, душа моя, успокойся, — ласково, но непреклонно осадил меня хозяин, похлопав по воздуху пухлыми ладонями. — Кто из нас в молодости спьяну не обещал стереть Москву с лица земли? Главное, что утром человек пришел с чистой совестью, трезвой головой и горячим желанием искупить вину честным физическим трудом! Труд, как говорил великий классик, облагораживает любого финансиста! Мы берем его немедленно, без испытательного срока!

Грачев повернул голову в мою сторону и позволил себе мимолетный, едва заметный торжествующий прищур.

Внутри меня все закипело ледяной, расчетливой яростью.

Он думал, что победил. Он рассчитывал прийти сюда важным барином, постоять в сторонке со снисходительной улыбкой, покрасоваться перед зеркалами и доказать своему другу, как легко он вскрывает любые двери своей фальшивой вежливостью.

Ну что ж, господин Грачев. Ты сам вырыл себе эту яму.

Я медленно выдохнула сквозь зубы, растянула губы в самой сладкой, ядовитой и лучезарной улыбке, на какую только была способна, и посмотрела прямо в его серые глаза.

— Прекрасно, Альберт Суренович. Раз вы считаете, что нашему павильону жизненно необходима свежая рабочая сила, я не стану спорить с руководством.

Я развернулась на каблуках и направилась в самый дальний, темный угол подсобного помещения, туда, где за ржавыми водопроводными трубами стоял старый рассохшийся шкаф для инвентаря.

Там, на самом нижнем ярусе, среди паутины и пустых банок из-под хлорки, лежала настоящая легенда нашего заведения.

Древний тяжелый фартук из дубовой прорезиненной ткани грязно-зеленого цвета стоял колом от въевшейся многолетней грязи, пятен марганцовки и стойкого запаха тухлой тины из отстойников.

Я подцепила этот шедевр советской резиновой промышленности двумя пальцами за окслизлую тесьму.

Вернулась в торговый зал, подошла к Грачеву вплотную и с размаху, от всей души шлепнула тяжелый, вонючий резиновый пласт прямо ему в грудь.

Грачев машинально перехватил фартук пальцами. В нос ему мгновенно ударила густая волна застарелого запаха прелых корней, сырости и технической смазки. Его брови едва заметно дрогнули, а ноздри с отвращением расширились, но он удержал лицо, не отшатнувшись ни на миллиметр.

— Держи свою рабочую форму, мальчик на побегушках, — пропела я медовым, звенящим от издевки голосом. — Твоя первая трудовая смена начинается сегодня ровно в полночь. Опоздаешь хотя бы на шестьдесят секунд — вылетишь на улицу с волчьим билетом и без права на амнистию. В обязанности входит промывка двадцати вазонов с мыльным раствором, перегрузка пяти мешков с черноземом и чистка мусорных контейнеров. И упаси тебя господь хотя бы чихнуть в сторону голландских гортензий.

Грачев медленно сжал тяжелую резину в руках, глядя на меня в упор. В глубине его серых зрачков больше не было высокомерия. Там разгоралась холодная, опасная и захватывающая дуэль двух равных противников.

— Я буду здесь без пяти двенадцать, Екатерина. — Он перекинул фартук через здоровую руку. — Не забудь подготовить фронт работ.

Он забрал со стола пачку денег, оставив гвоздику, развернулся и четким, строевым шагом направился к выходу из павильона.

Латунный колокольчик над дверью весело звякнул, выпуская его на залитый утренним серым светом Цветной бульвар.

* * *

Интерлюдия. Артём

Едва тяжелая стеклянная дверь закрылась за его спиной, в кармане куртки Грачева коротко и требовательно завибрировал телефон. Он достал аппарат здоровой рукой, взглянул на экран.

Там висело входящее сообщение от Вадима.

«Первый день пошел, Грачев. Береги свои часики за сто пятьдесят тысяч баксов. Капкан захлопнулся».

Артём спрятал телефон обратно в карман, бросил короткий взгляд сквозь витрину на стоящую за верстаком Катю с секатором в руках, усмехнулся углом рта и зашагал в сторону метро.

Глава 7

Катя

Осенний дождь заливал Цветной бульвар с самого вечера, размазывая огни витрин и фар по мокрому черному асфальту в длинные дрожащие полосы. В павильоне «Оазис двадцать четыре» пахло срезанными стеблями, прелым листом, влажным торфом и остывающим металлом. Из глубины торгового зала доносился ровный, привычный гул холодильной камеры, где при пяти градусах тепла дремали сотни хрупких бутонов.

Я стояла за высоким деревянным прилавком и методично водила серым бруском по лезвию тяжелого немецкого секатора. Сталь отзывалась чистым, сухим звоном. Этот звук успокаивал меня лучше любых таблеток. В ночную смену инструмент должен быть идеальным. Стоит затупить лезвие хоть на долю миллиметра, и срез сомнется, сосуды цветка закупорятся, а утром половина свежей поставки отправится в мусорный бак.

Настенные круглые часы над дверью подсобки показали полночь.

В ту же секунду над входной дверью тренькнул латунный колокольчик.

Холодный сквозняк толкнул в спину волну сырости. На пороге павильона выросла фигура, при виде которой я едва не выронила точильный брусок.

Артём Грачёв явился на свою первую трудовую смену.

Он стоял в круге верхнего электрического света, и зрелище это заслуживало отдельной фотосессии в глянцевом журнале о жизни богатых бездельников. На нем красовался объемный белоснежный свитшот из плотного японского хлопка, темно-серые дизайнерские брюки безупречного кроя и ослепительно белые кроссовки, подошвы которых явно никогда прежде не касались обычной городской грязи. Ни единой складки, ни пылинки. Он выглядел человеком, который перепутал адрес благотворительного аукциона в Барвихе и случайно забрел в кругло-суточную цветочную лавку у метро.

Его губы кривила снисходительная, ленивая полуулыбка победителя. В темно-серых глазах плескалась непоколебимая уверенность хищника, привыкшего щелкать пальцами и получать желаемое на блюдечке с золотой каймой.

— Доброй ночи, шеф, — произнес он бархатным, низким голосом, в котором сквозило откровенное издевательство. — Где рабочее место добровольного помощника? Какие будут первые ценные указания?

Я медленно опустила брусок на деревянную столешницу. Оперлась ладонями о прилавок, оглядела его с головы до пят, задержав взгляд на безупречной белизне его свитера.

— Наряд превосходный. — Я кивнула на его кроссовки и на мокрый коврик у двери. — Для закрытого клуба подошел бы идеально. Для ночной смены на Цветном это готовый саван самоубийцы. Ты в этом шедевре портновского искусства собираешься полы мыть?

Артём хмыкнул, небрежно сунув руки в карманы брюк. Шагнул ближе к стойке, разглядывая запотевшее стекло витрины с хризантемами.

— Хорошая одежда обязана радовать глаз даже во время дурацких пари, — отозвался он с легким смешком. — Этот свитшот стоит восемьсот евро. К тому же японский органический хлопок дышит. Можешь хотя бы из вежливости оценить старания нового сотрудника.

— Восемьсот евро, — повторила я без всякого выражения. — Какая потрясающая цифра. Жаль только, бактерии на стеблях увядших цветов не умеют читать ценники.

Я протянула руку за фартуком, который он держал свернутым под мышкой.

Между нами снова развернулось главное сокровище нашей подсобки — древний, полинялый до цвета болотной жижи резиновый фартук. Он был изготовлен из тяжелой советской резины на брезентовой основе, задубевшей от времени и влаги. Поверхность фартука покрывали несмываемые бурые разводы цветочных подкормок, черные пятна торфа и въевшиеся ядовито-зеленые полосы от срезанных стеблей.

Я встряхнула резиновый панцирь и вернула его инвестору — уже петлёй вперёд.

Принимая фартук, Артём прижал его к белому свитшоту. На хлопке осталась пыльная полоса.

Артём оттянул резину от груди. Его брови взлетели вверх, пальцы стиснули грубую ткань так, что костяшки побелели. В глубине его зрачков на мгновение полыхнуло бешеное, породистое пламя человека, которому за всю сознательную жизнь никто не заставлял надевать чужую грязную спецовку. Воздух между нами натянулся струной. Я видела, как напряглись мышцы его челюсти, как он мысленно взвешивает возможность развернуться на каблуках, хлопнуть стеклянной дверью и стереть наш павильон в порошок одним телефонным звонком.

Я указала на дверцу подсобки. Он посмотрел туда, потом на входную дверь — и остался.

— Надевай обмундирование, Грачёв, — сухо велела я. — Шнурки завяжи потуже. Альберт Суменович спит на диване в конторе, а сорок пластиковых вазонов из-под увядших хризантем сами себя не вымоют. Твоя трудотерапия началась.

Артём шумно выдохнул сквозь стиснутые зубы. Он еще секунду буравил меня тяжелым, колючим взглядом, в котором боролись уязвленная гордость и бешеное упрямство. Затем медленно, с показным изяществом накинул тяжелую резиновую петлю себе на шею. Завел длинные брезентовые завязки за спину и затянул тугий узел на поясице.

Вид лощенного миллионера в пыльном зеленом балахоне поверх белоснежного свитшота был настолько комичным, что мне стоило колоссальных усилий удержать на лице холодную мину.

— Куда прикажете следовать, бригадир? — процедил он, кривя губы.

— В мое личное подземелье, — ответила я и толкнула плечом тяжелую пластиковую дверь подсобки.

Подсобное помещение павильона представляло собой узкий каменный мешок два на три метра без окон. Под потолком на кривом проводе сиротливо качалась тусклая лампочка в сорок

ватт, забранная ржавой проволочной сеткой. Здесь стоял густой, тяжелый дух сырого бетона, прелых листьев, гниющих водорослей и застоявшейся ржавчины. Вдоль стен громоздились черные пластиковые ведра и двухведерные вазоны, в которых цветы хранились в торговом зале. Изнутри каждый такой вазон был покрыт скользким, дурно пахнущим налетом зеленой слизи и серым известковым осадком от водопроводной воды.

Артём замер на пороге, оглядывая это унылое царство плесени с нескрываемым отвращением.

— Здесь вообще есть вентиляция? — поинтересовался он, прикрывая нос ладонью.

— Дыши глубже, Грачёв. Это естественный аромат живой флоры, — бросила я, протискиваясь мимо него к глубокой чугунной раковине со сколотой эмалью.

Я повернула тяжелый латунный вентиль. Кран утробно захлебнулся, зашипел, плюнул сгустком ржавой пены и обрушил в раковину мощную тугую струю мутноватой воды.

Артём подошел ближе, протянул руку и попытался крутануть второй вентиль. Железо даже не шелохнулось.

— Горячая вода отсутствует как класс? — осведомился он ледяным тоном.

— Бойлер опять сломался. Горячую воду теперь греем в чайнике, — любезно проинформировала я. — Наш водопровод берет воду прямо из недр московского грунта. Температура около четырех градусов выше нуля. Очень бодрит, разгоняет кровь и развивает спартанский дух.

Я нагнулась, вытащила из-под раковины пузатую белую канистру с отечественным отбеливателем и скрутила крышку. Резкий, удушливый запах хлора мгновенно ударил в ноздри, заставив слезы выступить на глазах. Я щедрой рукой плеснула густую едкую химию в первое ведро, сунула туда кусок хозяйственного мыла и жесткую щетку с короткой деревянной ручкой.

— Задача проста до безобразия, — объявила я, отступая на шаг. — Отдраить сорок вазонов изнутри и снаружи. Смыть зеленую слизь до скрипа пластика. Прополоскать ледяной струей и выставить сушиться горлышком вниз вот на эти деревянные стеллажи. Альберт Суренович утром проверит лично. Найдешь хоть одно мутное пятно, заставит перемывать заново.

Артём посмотрел на щетку, затем на мутную пену в ведре, затем на меня. В его взгляде мелькнула тень сомнения, но насмешливое выражение быстро вернулось на его лицо.

— Элементарный клининг, — бросил он, закатывая рукава белоснежного свитера до локтей. — Двадцать минут работы для человека с системным мышлением.

— Время пошло, гений инвестиций.

Он опустился на корточки прямо на мокрый кафельный пол. Полы фартука шлепнулись в мыльную жижу у его ног. Артём сунул руки в воду и вздрогнул. Пластырь на указательном пальце отклеился; он выругался вполголоса, но щётку удержал.

Ледяная вода обжигала сильнее кипятка. Я видела, как мгновенно побелела кожа на его пальцах, как спазм свел мышцы предплечий. Хлорка моментально нашла все мелкие царапины и невидимые заусенцы на его ухоженных руках, вспыхнув яростной болью. Но Артём лишь крепче сжал челюсти. Желваки на его скулах заходили ходуном.

Он принялся остервенело тереть дно ведра.

Щетка с визгом скребла по пластику, пена летела во все стороны. Первые два вазона дались ему относительно легко, если не считать того, что его дыхание стало прерывистым и тяжелым. А вот на третьем ведре случилась неизбежная катастрофа.

Артём нажал на щетку слишком сильно, пытаясь отодрать въевшееся кольцо болотного осадка. Щетина соскользнула с покатога бортика. Рука сорвалась, и тугая волна мутной серо-зеленой жижи с ошметками полусгнивших листьев взметнулась вверх.

Грязный пенный фонтан щедро окатил его правое плечо, залил ворот свитшота и сполз по груди широким безобразным пятном.

Артём замер. Рука с щеткой повисла в воздухе.

Я стояла в дверном проеме, прислонившись плечом к косяку, и затаила дыхание.

Хлорка действовала стремительно. Белоснежный японский хлопок за восемьсот евро начал менять цвет прямо на глазах. На месте темных мокрых брызг расползались уродливые грязно-желтые проплешины. Дорогая дизайнерская вещь превращалась в половую тряпку со скоростью биржевого краха.

Глава 8

Тишина в тесной подсобке стала могильной. Слышно было только мерное, утробное бульканье воды в раковине.

Артём медленно опустил взгляд на свое плечо. Его лицо побелело, сделавшись похожим на гипсовую маску. Я отчетливо видела, какая бешеная, испепеляющая ярость клокочет у него внутри. Он привык управлять сотнями миллионов, его решения ждали солидные дяди в галстуках, а сейчас он сидел на корточках в грязной каморке на Цветном бульваре, пахнувший дешевой хлоркой и облитый помоями из цветочного ведра.

Один его звонок, и сюда нагрянули бы проверки всех мастей. Один шаг, и он вернулся бы в свой сияющий мир из мрамора и панорамного стекла, оставив меня разбираться с увядшими цветами.

Я ждала взрыва. Ждала, когда спесь мажора наконец прорвет плотину, он швырнет эту щетку в раковину и покажет свое истинное лицо избалованного циника.

Но Артём не шелохнулся.

Он медленно, глубоко вдохнул сквозь нос, задерживая дыхание на несколько секунд. Затем поднял голову и посмотрел на меня.

Он провернул ведро, нашёл пропущенное пятно и провёл по нему щёткой. Я уже набрала воздуха для насмешки, но его взгляд заставил меня придержать язык.

— Отбеливатель качественный, — произнёс он, предъявив мне жёлтое пятно на рукаве. — Въедается намертво. Продолжаем?

Он опустил руки обратно в ледяное крошево и с удвоенной силой взялся за щетку.

Следующие два часа превратились в немое противостояние характеров. Артём драил ведро с пугающим остервенением. Я положила возле него резиновые перчатки. Он натянул их, проверил, слушается ли щётка, и подвинул к себе следующий вазон. Его движения постепенно теряли неуклюжесть, обретая механическую точность. Он оттирал углы, скреб стенки, выпол-

ласкивал пену под гудящей струей и выставлял чисто вымытые черные вазоны на стеллаж в идеальный ровный ряд.

К двум часам ночи подсобка сияла, насколько вообще может сиять полуподвальное помещение старого павильона.

Артём поднялся на ноги. Его пошатывало от долгого сидения на корточках. Спина разогнулась со слышным хрустом. Свитшот был безнадежно уничтожен, серые пятна перемежались желтыми разводами, мокрая ткань липла к телу. Он стянул перчатки; предплечья покраснели от холодных брызг, кожа на подушечках пальцев сморщилась белыми складками.

Он вынес в торговый зал последний, сороковой вазон и с глухим стуком поставил его возле холодильника.

Я подошла ближе, присела и провела ногтем по внутреннему пластиковому ободу ведра.

Пластик чисто, сухо скрипнул. Ни грамма слизи, ни крупички известкового налета. Работа была выполнена безукоризненно.

Артём стоял надо мной, скрестив руки на груди и явно ожидая капитуляции или хотя бы скупой похвалы.

Я поднялась во весь рост, небрежно оправила свой рабочий фартук и покачала головой.

— Ну, для первого класса вспомогательной школы сойдет, — протянула я с нарочитым вздохом. — Правда, пока ты здесь развлекался с ведрами, полы в зале превратились в филиал болота.

Я шагнула к углу и извлекла оттуда запасную тяжелую металлическую швабру советской конструкции, представлявшую собой грубую Т-образную трубу, и толстую серую вафельную тряпку.

Поставила этот агрегат рядом с Артёмом.

Он посмотрел на металлическую рукоять так, будто я предложила ему взять в руки дохлую крысу.

— Мельникова, — произнес он с опасной вежливостью. — Я нанимался подсобным рабочим, а вовсе не уборщицей торговых площадей. Я уже все ведра вымыл. Можно хотя бы перевести дух?

— Да что ты говоришь? — я усмехнулась, подошла к прилавку и взяла в руки завядшую одинокую гвоздику, которую он оставил здесь прошлой ночью. Покрутила сухой стебель в пальцах. — В цветочном магазине чистота полов прямо влияет на свежесть срезанных цветов. Грязь с улицы несет бактерии. Бактерии попадают в воду. Вода гниет, цветы гибнут, магазин несет убытки. Если господин венчурный инвестор считает себя слишком утонченным созданием для швабры, входная дверь открыта. Такси до твоей башни в Сити долетит за десять минут. Альберт Суренович утром вздохнет и наймет обычного узбекского парня, который не боится испачкать нежные ручки.

Его глаза сузились. Упоминание Сити попало точно в цель.

Артём молча протянул руку и схватил прислонённую к стойке швабру.

— Отойди, — процедил он сквозь зубы.

Он бросил серую тряпку в ведро с остатками чистой воды, кое-как намотал ее на перекладину и принялся яростно толкать швабру перед собой.

Это было смешно и жалко одновременно. Железный черенок скрежетал по плитке, тряпка комкалась и сползала, оставляя за собой широкие полосы грязной жижи. Артём просто размазывал воду из одного угла в другой, упорно загоня лужи прямо под вентиляционную решетку холодильника.

Я смотрела на эти титанические мучения около минуты. Наконец не выдержала.

— Стой, горе луковое, — вздохнула я. — Ты сейчас холодильник закоротишь.

Я подошла к нему вплотную со спины. Не раздумывая, накрыла его напряженные, ледяные ладони своими руками прямо на металлическом черенке.

Артём мгновенно замер.

Его широкие плечи окаменели под мокрым хлопком свитшота. Я почувствовала, как от его тела исходит горячая волна напряжения. Мои пальцы после теплого зала казались почти горячими на фоне его заледеневшей кожи.

— Расслабь кисти, — негромко сказала я прямо ему в плечо. — Ты держишь черенок так, словно собираешься проткнуть им дракона. Швабра слушается плавных движений. Веди восьмеркой. Смотри.

Я сжала его пальцы, направляя движение швабры. Мы повели полотно по гладкому кафелю широкой плавной дугой, собирая грязную воду от углов к центру зала, не давая брызгам лететь под холодильные витрины.

На несколько секунд в павильоне воцарилась полная тишина.

Я стояла вплотную к нему. От его мокрых волос пахло холодным дождем и дорогим цитрусовым парфюмом, сквозь который пробивался острый запах хлорки. Артём не шевелился, боясь разрушить случайное касание. Его дыхание стало глубоким и редким.

— Понял траекторию? — тихо спросила я, чувствуя странное покалывание в ладонях.

— Понял, — отозвался он глухо, не поворачивая головы.

Я тут же разжала пальцы и отступила на два шага назад, пряча руки в карманы фартука.

— Вот и отлично. Доделывай зал. А я пока проверю температурный режим в холодильнике.

Спустя двадцать минут серый кафельный пол павильона сиял ровным влажным блеском. Артём выжал серую тряпку в ведро, аккуратно прислонил швабру к стене подсобки и расправил плечи. Вид у него был изрядно потрепанный, но в глазах застыло мрачное удовлетворение человека, взявшего штурмом неприступную высоту.

На часах было около половины третьего ночи.

За запотевшими стеклами павильона раздался протяжный визг гидравлических тормозов. К тротуару задним ходом неуклюже притерся тяжелый фургон с выцветшей надписью «Цветы из Голландии» на грязном белом борту.

Водитель в брезентовой куртке с грохотом распахнул задние двери кузова. Из темного чрева машины в ночной воздух вырвалось густое облако холодного пара, смешанное с запахом сырого картона, прелой листвы и тяжелым, дурманящим ароматом сотен срезанных роз.

Мужик спрыгнул на мокрый асфальт, чертыхаясь на промозглую морось.

— «Оазис»? Принимайте груз живее! — рявкнул он, заглядывая в стеклянную дверь. — У меня еще четыре точки по Садовому до пяти утра, стоять под дождем некогда!

Я потянулась к вешалке за своей старой джинсовой курткой. Разгрузка ночных поставок обычно ложилась на мои плечи, если Альберт Суренович сладко спал, и я привыкла таскать тяжести без лишних вздохов.

Но сделать шаг к выходу мне не удалось.

Артём молча шагнул вперед, преграждая мне путь широкой спиной, и решительно отодвинул меня в сторону легким движением предплечья.

— Стой внутри, Мельникова, — бросил он через плечо коротким, непререкаемым тоном руководителя высшего звена. — Дождь холодный, простудишься. Я сам занесу.

— Грачёв, коробки весят по тридцать килограммов, — попыталась возразить я. — Это не папки с финансовыми отчетами.

Он даже не обернулся. Толкнул дверь плечом и шагнул прямо под секущие струи осеннего ливня.

Я подошла к витрине, наблюдая за ним сквозь залитое дождем стекло.

Картина выглядела сюрреалистично. Человек с миллионным состоянием, в измазанном хлоркой свитшоте и в тяжелом зеленом резиновом фартуке стоял у борта фургона, принимая на себя огромные картонные гробы с голландскими цветами.

Первая коробка оказалась тяжелой и скользкой от конденсата. Пятислойный картон норовил вырваться из пальцев. Артём сцепил зубы, подхватил короб снизу, с глухим выдохом оторвал его от металлического пола кузова и потащил к дверям магазина.

Я видела, как вздулись вены на его шее, как струи ледяного дождя хлестали по его лицу, смывая мыльные разводы с волос прямо на глаза. Мышцы его спины и плеч явно не были приспособлены к профессии портового грузчика, но он упрямо шагал вперед, переступал высокий порог и бережно опускал картон на чистый пол возле холодильника.

Водитель фургона удивленно присвистнул, сплюнул под колеса и принялся подавать следующие ящики с удвоенной скоростью.

Шесть громадных коробок переключали в тепло торгового зала ровно за пятнадцать минут.

Водитель с лязгом захлопнул створки фургона, махнул рукой на прощание и укатил, подняв колесами веер грязных брызг.

Артём закрыл дверь, повернул защелку и тяжело привалился спиной к косяку. Вода ручьями стекала с подола его фартука, грудь ходила ходуном, лицо побледнело от дикого физического перенапряжения. Сквозь мокрый хлопок свитшота отчетливо поднимался легкий пар.

— Живой? — спросила я, подходя ближе.

Он медленно открыл глаза, смахнул мокрую прядь со лба тыльной стороной ладони и слабо усмехнулся.

— Вполне. Это был отличный кардиокомплекс. Гораздо продуктивнее беговой дорожки в моем фитнес-клубе.

Глава 9

— Считай, что абонемент тебе подарил Альберт Суменович, — хмыкнула я. — Отдыхать некогда. Цветы в коробках задыхаются. Если не поставить их в воду в течение часа, завтра продавать будет нечего.

Я взяла с прилавка свой рабочий изогнутый нож с короткой деревянной ручкой, подошла к первому ящику и одним точным движением вспорола широкий упаковочный скотч.

Картонные створки разошлись в стороны.

Воздух павильона моментально наполнился густым, бархатным, пьянящим ароматом. В коробке плотными ровными рядами лежали две сотни длинностебельных голландских роз элитного сорта «Ред Наоми».

Это были великолепные, хищные цветы. Метровые стебли толщиной почти в человеческий палец отливали темно-зеленым глянцем. Огромные бутоны из тяжелого бордового бархата плотно спали в защитной бумажной сетке. Вдоль каждого стебля торчали устрашающие, загнутые книзу крючковатые шипы длиной больше сантиметра, твердые и острые, словно костяные иглы.

Я пододвинула ближе деревянный табурет, села и положила нож на колени.

— Смотри внимательно и запоминай, Грачёв, — сказала я, доставая первую розу за основание бутона. — Голландская срезка требует ювелирной точности. Нижнюю треть стебля очищаем полностью, убирая все листья и все шипы под ноль. Если шип останется, он повредит соседний стебель в вазоне, начнется гниение. Затем берем секатор и делаем косой срез под углом ровно сорок пять градусов. Срез должен быть гладким, без единой зазубрины и без расщепления волокон. Раздавишь стебель, роза не сможет пить и сдохнет к полудню.

Мои пальцы двигались привычно и быстро. Раз, два, три. Скользящее движение лезвия вниз, срезающее колючки, точный диагональный щелчок секатора, и очищенная роза плавно опустилась в ведро с прохладной водой и питательным порошком. Вся процедура заняла ровно три секунды.

Я протянула Артёму запасной секатор с ярко-красными пластиковыми ручками.

— Твоя очередь. Тут сто пятьдесят штук. Бутоны пальцами не лапать, лепестки не мять. Работаем.

Артём с сомнением посмотрел на красный инструмент, стянул с себя промокшие кроссовки, оставшись в носках, и опустился на перевернутый деревянный ящик из-под луковиц тюльпанов прямо напротив меня.

Он взял первую розу.

Цветок в его руках повел себя как дикий зверь. Мокрый гладкий стебель мгновенно скользнул в ладони, лепестки бутона опасно дрогнули. Артём попытался перехватить ветку повыше, приложил усилие, нажимая тугими ручками секатора на волокнистую древесину. Секатор жалобно скрипнул, замял кору, но стебель не перерезал.

Артём раздраженно дернул руку, сжимая стебель крепче. Раздался сухой щелчок.

Крупный, изогнутый шип с легким хрустом пробил кожу на подушечке его правого большого пальца, войдя глубоко в живое мясо.

Артём резко втянул воздух сквозь зубы. Рука дернулась. На бледной коже выступила крупная, круглая капля темной рубиновой крови. Она быстро набухла, сорвалась вниз и разбилась о брезентовый подол фартука.

Я приподняла бровь, наблюдая за ним поверх своего бутона.

— Первый пошел. Я предупреждала.

— Ерунда, — глухо бросил он, вытирая кровь о край фартука. — Мелкая производственная травма.

Он упрямо взял второй стебель.

Следующие двадцать минут превратились в настоящую трагикомедию. Артём Грачёв, гроза венчурных стартапов и безжалостный переговорщик, вел отчаянную позиционную войну с двумя сотнями голландских роз. И розы уверенно побеждали по всем фронтам.

Секатор жевал плотную древесину, оставляя рваные лохмотья вместо гладкого среза. Листья цеплялись за полы свитшота. Коварные загнутые шипы вели себя партизанскими методами. Они вонзались в сгибы суставов, распарывали подушечки пальцев, сдирали кожу на

костяшках, загоняли под ногти тонкие, колючие древесные занозы. Горький, едкий сок сре-
занных растений щедро заливал свежие царапины, заставляя их гореть адским пламенем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.